

Тышная неприятность для дракона

Лоес Моррен

Лоес Моррен

**Пышная неприятность
для дракона**

«Автор»

2026

Моррен Л.

Пышная неприятность для дракона / Л. Моррен — «Автор», 2026

- Однажды я выпью твою кровь, Марта!- Захлебнётесь, ваша светлость. Во мне три ведра одной только обиды за невыплаченное жалованье. Семь лет я вела хозяйство в замке вампира: гоняла прислугу, считала расходы и портила хозяину вечную жизнь своим скверным характером. А потом обнаружила в подземелье пленного дракона. Красивого, злого и совершенно запущенного - разве хорошая хозяйка пройдёт мимо? Я его освободила. Он предложил прокатить меня на спине. Через сто метров мы познакомились с лесом значительно ближе, чем собирались. Теперь за нами охотится вампир, у дракона раненое плечо и болезненное самолюбие, а у меня — пышные формы, пустой кошелёк и твёрдое намерение выжить. Для начала придётся объяснить одному чешуйчатому лорду, кто здесь принимает решения. Он, видите ли, привык командовать. Только почему с каждым днём мне всё больше хочется проверить, такой ли он горячий без камзола? Ничего, разберёмся. Сначала накормлю, потом перевяжу, а там посмотрим, к каким нагрузкам он готов.

© Моррен Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лоес Моррен

Пышная неприятность для дракона

Глава 1

В тот день, когда я впервые увидела голого мужчину в графском подземелье, утро началось с протекающего потолка. Вода капала прямо в серебряную супницу, которую покойная графиня использовала для торжественных обедов, а я — для чрезвычайных обстоятельств. Судя по частоте звона, обстоятельства собирались наполниться до краёв ещё до завтрака.

Я стояла под лестницей в ночной сорочке, накинутом поперх платье и одном чулке, потому что второй стянул гусь. Птица сидела на нижней ступеньке, зажав моё имущество в клюве, и смотрела с таким выражением, будто имела на него наследственные права. Из северной галереи доносились удары: садовник Берн уже приступил к выбиванию ковров.

— Марта! — прокричали сверху. — Почему в моём доме грохочут с рассвета? Я только лёг!

Я подняла голову к балкону, где появился граф Северин Валькрофт в чёрном халате. Его светлые волосы были безупречно уложены даже после ночи, проведённой, по собственному выражению, в тяжких размышлениях. Пахло от тяжких размышлений дорогим вином и чужими духами.

— Потому что с полудня обещают дождь, ваша светлость. Если хотите спать под пыльным ковром, я распоряжусь принести его в спальню. Заодно наконец выясним, чем именно у вас забита голова.

Граф, не дождавшись повиновения, отступил от балюстрады, и через несколько мгновений наверху хлопнула дверь. С потолка посыпалась штукатурка, угодившая в супницу вместе с водой. Я посмотрела на белые хлопья, вспомнила недавнее распоряжение хозяина сократить расходы на молоко и решила, что у нас почти получилась каша.

Замок Валькрофт стоял на скале уже четыреста лет, и последние семь из них держался преимущественно на моём раздражении. По ведомости я числилась старшей служанкой, получала как младшая, а работала так, словно выиграла всё здание в карты и не сумела вовремя проиграть обратно. В мои обязанности входило заботиться о припасах, следить за прислугой и не давать хозяину окончательно разориться, пока он воображал себя существом выше земных нужд.

На кухне меня встретила Тильда с половником в руке и выражением женщины, которой уже довелось узнать слишком многое. На столе остывал противень с булочками, возле печи дремал мальчишка-посудомой, а кот сидел в пустой корзине из-под рыбы. Рыбы не было, что давало мне основания сомневаться в его невиновности.

— Повар пропал, — сообщила Тильда. — С вечера никто не видел. На постели только записка осталась.

Я забрала протянутый листок и развернула его над столом. Наш повар Освальд писал крупно, с нажимом, словно даже бумагу пытался нашинковать. В записке сообщалось, что он уехал к сестре спасать её честь, и отдельно подчёркивалось, что дело не терпит отлагательства.

— У него сестра шестидесяти лет, — напомнила я. — Её честь пережила трёх мужей и пожар на мельнице. Что с ней стряслось на этот раз?

Тильда оглянулась на мальчишку и придвинулась ближе. Я отломила край горячей булочки, раздумывая, сколько времени займёт спасение. Сестра у него отличалась завидной выносливостью, так что обед предстояло готовить самим.

Когда из столовой позвонили, я как раз затягивала пояс передника. На моей талии узел держался добросовестно, зато выше платье каждый день испытывало веру портнихи в прочность ниток. Я поправила лиф, взяла поднос и пошла кормить существо, которое утверждало, что не нуждается в человеческой пище, но неизменно требовало горячие тосты.

Северин сидел во главе длинного стола, облачённый в бордовый камзол. На белой ска-терти возле его локтя лежали кожаные перчатки, письма и две тонкие серебряные наклад-ки для клыков. Настоящие он берег, а эти надевал на охоту, когда хотелось выглядеть особенно внушительно перед впечатлительными гостями.

— Ваша светлость, клыки со стола уберите. Здесь едят. Для ваших принадлежностей есть шкатулка, и я не собираюсь опять вылавливать их из варенья.

Граф взял наклад-ки двумя пальцами и опустил в карман с таким видом, будто это я нару-шила приличия. Я невозмутимо расставляла посуду. По утрам Северин плохо владел лицом, зато превосходно владел искусством смотреть свысока даже на человека с кофейником.

— Ваш язык когда-нибудь вас погубит, Марта. Поразительно, что за двадцать девять лет никто не счёл нужным его укоротить. Возможно, мне следует исправить это упущение.

— Один пытался, когда звал замуж. Теперь женат на вдове трактирщика, и она не разре-шает ему говорить за столом. Я бы сказала, справедливость восторжествовала.

Я поставила перед ним тосты, яйцо всмятку и маленький фарфоровый кувшин с кро-вью. За поставку отвечал городской цирюльник, имевший лицензию и возмутительно краси-вый почерк в счетах. Чья именно кровь попадала к графу, я не выясняла, но требовала печать лекарской палаты и чистую посуду.

— На ужин у нас будет селёдка, — предупредила я. Освальд изволил уехать по семейным обстоятельствам, а мясо по вашим приказам почему-то исчезает быстрее, чем я успеваю его засолить. Я как раз хотела поговорить о расходах.

— Расходами занимается Гаспар. Для того я и держу управляющего. Вам достаточно следить за порядком.

— Я и слежу. Поэтому знаю, что Тильде нечем заплатить лекарю, Берн латает сапоги верёвкой, а мне вы должны за четыре месяца. Зато вчера привезли новый камзол, в котором пуговицы стоят дороже нашего коровника.

— Это представительские расходы. Вы понятия не имеете, чего требует моё положение. Нельзя появляться при дворе в прошлогоднем бархате.

— Можно не появляться. При дворе переживут, а коровник следующую зиму может и не пережить. У него положение сложнее вашего: он хотя бы занят полезным делом.

Северин откинулся на спинку кресла и долго рассматривал меня поверх чашки. Я стояла спокойно, прижав к животу поднос. За годы службы я выучилась различать настоящую опас-ность и желание начальства, чтобы ему дали спокойно позавтракать.

— Однажды я всё-таки выпью вашу кровь, Марта.

— Захлебнётесь, ваша светлость. Во мне добра много, за один присест не управитесь. Придётся звать друзей и выписывать дополнительную посуду.

Он поперхнулся кофе, который пил следом за кровью, и закашлялся в салфетку. Я преду-смотрительно отодвинула сахарницу. Не хватало ещё вычёрпывать из неё графское достоин-ство.

— Вы невозможная женщина. У вас нет ни почтительности, ни скромности. Когда-нибудь вы обнаружите, что терпение имеет предел.

— Моё уже обнаружило. В пятницу слугам нужны деньги, и я хочу получить подписанное распоряжение. Можете написать его на обороте счёта за пуговицы, бумагу сэкономим.

В столовую вошёл управляющий Гаспар, высокий сухой мужчина с лицом пережаренной воблы. Увидев меня, он остановился. Обычно присутствие прислуги мешало ему не больше, чем присутствие мебели.

В руках у него была узкая шкатулка из тёмного дерева. Я заметила на уголке свежую печать аптекаря и невольно посмотрела на графа. Северин едва заметно качнул головой, после чего Гаспар убрал шкатулку за спину с грацией мальчишки, прячущего украденную плюшку.

— По поводу поставки, ваша светлость, — начал он. — Нам желательно обсудить...

— Позже, — перебил граф. — Марта, оставьте нас. Счета передайте управляющему.

— Уже передавала. Они пропадают у него в кабинете с такой скоростью, что я подозреваю там вторую уборную. Но копии у меня имеются, и в пятницу я приду снова.

Я вышла, прикрыв дверь без хлопка, потому что ремонт петель оплачивался из тех же несчастных денег. В коридоре мне пришлось задержаться: на переднике распустился узел, и я завела руки за спину, чтобы затянуть его заново. Из столовой донёсся приглушённый голос Гаспара, и пальцы сами перестали двигаться.

— Она слишком много считает. Вчера спрашивала о мясе, сегодня о настойках. Если спустится...

Дальнейших слов я не разобрала: Северин что-то ответил тихо и резко. Потом скрипнуло кресло, и я поспешила отойти от двери. У передника оказался на удивление крепкий узел, а у меня — вполне законный повод направиться в кладовую.

До сих пор я считала Гаспара обыкновенным вором. Он завывал цену свечей, покупал дрянное мыло и имел привычку молча исчезать всякий раз, когда нужно было ответить на простой вопрос. Но вор, который боялся женщины с расходной книгой, мог оказаться куда интереснее, чем я предполагала.

В кладовой пахло сушёными яблоками, перцем и холодным камнем. Я отперла шкаф с ведомостями, села за маленький стол и раскрыла тетрадь, которую вела для себя. В официальной книге расходы выглядели благопристойно, а в моей имелись пятна муки, точные цифры и несколько слов, которые при дворе сочли бы чрезмерно выразительными.

За последние двенадцать дней из кухни унесли семь добрых кусков говядины. К ним прилагались хлеб, яйца и крепкий бульон, который Тильде велели оставлять вечером в медном котелке. По записи Гаспара всё это предназначалось караулу у северных ворот.

Я некоторое время разглядывала знакомую строчку, потом перевернула страницу. Северные ворота были заложены ещё три года назад, когда в проезде обрушился свод. Последним существом, нёсшим там караул, был барсук, и тот не подавал заявок на шесть куриных яиц ежедневно.

Следом шли настойка железницы, заживляющая мазь и дорогой состав, который лекарь прописывал после большой потери крови. На каждую покупку имелась подпись управляющего и короткая пометка: «Для нужд его светлости». Нужды его светлости, насколько я знала, предпочитали косметическое масло и средство от последствий излишнего гостеприимства.

— Тильда! — позвала я, выглянув из кладовой. — Принеси вечерние распоряжения Гаспара. И Пима захвати, если он ещё не продал душу коту за возможность поспать.

Они явились вместе, причём мальчишка заранее выглядел виноватым. Это было его обычное выражение, но сегодня к нему добавлялась надежда, что допрашивать станут кого-нибудь другого. Тильда положила на стол смятые записки, которые я велела сохранять после каждой выдачи продуктов.

— Ты куда бульон носил? — спросила я у Пима. — Только прежде чем вспоминать, подумай о пользе правды. Она заметно сокращает разговор.

— В малую переднюю, госпожа Марта. Там Гаспар забирал. Он говорил, дальше самому нельзя, потому что возле старой лестницы крысы.

— А обратно что приносил? Котелок пустой был или с остатками? И кто его мыл?

Пим ответил, что котелок всегда забирал управляющий, а утром возвращал уже чистым. Ложка была одна, большая, и однажды погнулась так, словно ею пытались отпереть дверь.

Гаспар сказал, что на неё сели, но мальчишка не поверил: отпечатков подходящего места на серебре не осталось.

Я отпустила Пима и Тильду, но продолжить расследование не успела. Берн нашёл в кладовой прогрызенный мешок, одна из горничных разбила зеркало, а поставщик муки попытался объяснить недовес неблагоприятной фазой луны. Я велела поставить мешки обратно на телегу, после чего небесные светила немедленно вернули нам недостающие восемь фунтов.

Гаспар появился на кухне, когда я принимала муку заново. Он долго смотрел, как я записываю вес, затем попросил выдать ему два чистых полотенца. Просьба была самой обыкновенной, но ключ от бельевого шкафа он почему-то потребовал оставить у него.

— Зачем? — спросила я. — Простудитесь — Тильда выдаст ещё. Или у нас полотенца собираются сбежать, и вы намерены лично их охранять?

— Его светлость желает ограничить доступ к запасам. Слишком много исчезает. Вас это тоже касается, Марта.

Я положила перо на край тетради и посмотрела на него. Гаспар выдержал мой взгляд, но нижняя губа у него дрогнула, словно он пожалел, что выбрал именно такую формулировку. Возле печи перестала греметь посуда.

— Тогда начнём с ваших расписок, — сказала я. — Сегодня после ужина я буду ждать в кладовой. Объясните, куда у нас несут службу семь кусков говядины.

— Вы забываете своё место. Некоторые распоряжения хозяина не подлежат обсуждению. Советую помнить об этом ради собственного блага.

Он ушёл без полотенца, что я сочла несомненным хозяйственным успехом. Тильда посмотрела на меня, потом на дверь, но промолчала. Я снова взяла перо и обнаружила, что вывела в графе примечаний неприличное слово, не имевшее отношения к муке.

За ужином я съела две котлеты, чтобы мысли были крепче, и отложила третью под полотенце. На длинном кухонном столе уже стоял медный котелок с бульоном, рядом лежали хлеб и завернутый в бумагу кусок варёной говядины. Я незаметно посыпала край котелка мукой там, где за него обычно брались, и отправила Пима чистить подсвечники в другом конце кухни.

Когда Гаспар пришёл за едой, я возилась у печи с заслонкой. Он проверил свёрток, взял ложку и велел оставить посуду до утра немытой: якобы повар вернулся бы поздно и захотел поесть. Я напонила, что для Освальда еды достаточно, и управляющий ушёл, не найдя нового объяснения старому вранью.

Я выждала немного, сняла передник, сунула в карман котлету с маленьким ножом для подрезания фитилей и переобулась в мягкие туфли. Коридоры к тому времени опустели, только внизу мерцал свет из караульной. Я миновала большую лестницу и свернула к малой передней, где Пим оставлял котелок. На тёмной дверной ручке белели следы муки, а дальше по стене тянулись знакомые потёртости на уровне плеча человека, несущего тяжёлый поднос.

Дверь вывела меня в галерею старого крыла. Здесь пахло остывшим камином и сыростью, но под стеной не было ни мышинного помёта, ни паутины. Кто-то старательно подметал проход, по которому нам запрещали ходить из заботы о здоровье.

За поворотом скрипнула подошва, и я успела юркнуть за тяжёлую портьеру. Ткань упёрлась мне в лицо запахом пыли и старых духов. Я втянула живот, мысленно попросила грудь проявить солидарность и замерла, когда совсем рядом остановились двое.

— До отъезда его светлость велел двойную дозу, — произнёс Гаспар. — Всё приготовлено? Нельзя, чтобы он снова начал буянить.

— Двойную не дам, — ответил незнакомый голос. — Он и так едва держится. Мне нужен живой, иначе можете сами объясняться с графом.

Я услышала негромкий металлический звон и узнала голос замкового лекаря Керна, приехавшего обычно по четвергам. Сегодня была среда, и от этого простого обстоятельства у

меня неприятно похолодела спина. Любовницам, насколько я знала, календарь медицинских посещений нарушали по более весёлым причинам.

— Тогда заберите хотя бы то, что обещали, — сказал управляющий. — Покупатель ждёт. И уберите следы, в прошлый раз она заметила пятна на белье.

Шаги удалились в сторону малой передней. Я стояла за портьерой, пока не перестала слышать скрип, и только потом осторожно выбралась. На камне у стены валялся кусочек тёмно-красного сургуча, а чуть дальше виднелась свежая мокрая полоса от поставленного на пол котелка.

Проход заканчивался глухой нишей с портретом давно умершего родственника Северина. Я знала этого красавца: каждую осень его приходилось снимать, чтобы протирать раму, и каждый раз он норовил упасть мне на голову. На портрете графский предок держал руку на рукояти меча, вторую положил на глобус и глядел так, словно собирался оплодотворить весь мир без предварительного знакомства.

Под рамой не было обычной ровной полоски пыли. Я провела пальцами по резьбе, нащупала выступ и нажала, приготовившись ловить ненавистного родственника. Вместо этого внутри стены щёлкнуло, и узкая часть обшивки отъехала в сторону.

Из щели потянуло холодом, лекарствами и чем-то ещё, от чего я машинально сжала ключи. За панелью уходила вниз крутая лестница, освещённая двумя тусклыми лампами. Я некоторое время смотрела на ступени и очень отчётливо понимала, что сейчас можно вернуться на кухню.

Там стоял чайник, кот наверняка занял моё кресло, а утром пришлось бы опять спорить о жалованье. За тайной дверью могло находиться что угодно, и ни один пункт моего договора не обязывал выяснять, почему граф кого-то тайком кормит и лечит. Потом снизу донёсся кашель, тяжёлый и надсадный, и я полезла в карман за ножом.

Внизу оказался короткий коридор с тремя дверями. Две стояли открытыми: за одной хранили поленья, за другой размещались стол, таз и узкая кушетка с ремнями. На столе лежали стеклянные трубки и сложенная ткань с тёмными пятнами, которую я узнала без всяких сомнений.

Я сама выдала эту простыню пять дней назад. На углу была моя грубая штопка, а теперь через неё проходил бурый развод. Мне стало противно от мысли, что всё это время я всерьёз строила догадки о прожорливой любовнице.

— Если опять принесли эту дрянь, можете выпить сами, — сказали за третьей дверью. — А Валькрофту передайте, что я ещё помню его обещание. Пусть приходит без своей своры, поговорим.

Голос оказался низким, хрипловатым и совершенно не похожим на голос человека, готового покорно ждать следующего визита лекаря. Я подошла ближе, стараясь не задеть носком камень. В толстой двери имелось маленькое зарешечённое окно, до которого мне пришлось потянуться.

— Я принесла котлету, — ответила я. — За её состав могу поручиться лично. А насчёт своры у нас пока только один гусь, но его я бы тоже не стала вам рекомендовать.

За дверью замолчали, затем по камню скользнул металл. В глубине комнаты обозначилась движущаяся тень. Я потянулась к зарешечённому окошку и разглядела мужчину у стены.

На нём были штаны, низко сидевшие на бёдрах, так что первоначальное впечатление о полной наготе оказалось преувеличенным. Всё остальное, однако, оставалось открытым, и я невольно отметила широкие плечи, сильную шею и живот, на котором даже плен не сумел уничтожить крепкие мышцы. Потом заметила синяки, кровоподтёки на сгибах локтей и перестала рассматривать то, что при иных обстоятельствах рассмотрела бы с удовольствием.

Одно его запястье охватывал широкий тёмный браслет. От него к кольцу в стене тянулась цепь, слишком короткая, чтобы добраться до двери. Волосы незнакомца падали на лицо,

но глаза я увидела хорошо: светлые, внимательные, со странным золотистым ободком вокруг зрачков.

— Кто вы? — спросил он. — Где Гаспар? Отвечайте.

— Марта Вереск, старшая служанка. Гаспар ушёл, и если мне повезёт, споткнётся на лестнице. А вы, я так понимаю, тот самый караул у северных ворот, который съел недельный запас говядины.

— Откройте дверь. Ключ должен быть у управляющего, на отдельной связке. Принесите его сюда и поторопитесь.

Я посмотрела на него ещё раз, уже без всякого любопытства к плечам. Этому мужчине явно было плохо, но дурное самочувствие не мешало ему разговаривать со мной так, будто я опоздала подать карету. После утреннего завтрака запас моего почтения был израсходован до доньшка.

— Сейчас вернусь, — сказала я. — Только кое-что возьму. А вы пока подумайте над последним словом.

Я отступила от двери прежде, чем он успел ответить. В комнате лекаря нашёлся кувшин с водой, чистая оловянная кружка и небольшая чашка, в которой пахло горькими травами. Чашку я оставила на месте, воду понюхала и осторожно попробовала кончиком языка.

Когда я вернулась, мужчина стоял ближе к свету. На скулах у него выступили красные пятна, а цепь натянулась так, что кольцо в кладке слегка повернулось. Я перестала двигаться и прислушалась, не слышались ли наверху шаги.

— Не дёргайтесь, — велела я вполголоса. — Тут у графа всё держится кое-как. Обрушите стену, и мне опять придётся вызывать каменщика, а ему ещё за водосток не заплатили.

— Вы понимаете, что происходит? — спросил он. — Или думаете, я здесь по собственной воле? Мне нужна помощь, а не разговоры о кладке.

— Помощь я принесла. Только до двери вы не дойдёте, а решётка узкая. Здесь внизу есть отверстие, куда ставят посуду?

Он посмотрел на меня недоверчиво, потом указал подбородком на маленькую дверцу возле пола. Я присела, придерживая юбку коленями, и обнаружила простой наружный засов. Внутри пахло холодом и несвежей соломой, и при виде этого низкого проёма у меня так сжало горло, что пришлось сердито втянуть воздух.

Я подала кружку, стараясь не задеть его руку. Мужчина взял воду осторожно, будто ожидал, что я в последний момент передумаю, и сделал несколько небольших глотков. Пальцы у него дрожали, хотя он явно пытался это скрыть.

— Не залпом, — сказала я. — Сначала немного, потом ещё. Если вас начнёт выворачивать, я внутрь не проберусь, дверца моих достоинств не предусматривает.

Он опустил кружку и впервые посмотрел на меня без прежней настороженной злости. Потом взгляд его скользнул по моим плечам и груди, и я от души понадеялась, что зрение у пленника в порядке. Живой интерес к окружающему миру был хорошим признаком, хотя именно сейчас мне больше хотелось узнать, кто довёл его до такого состояния.

— Вы действительно служите здесь? — спросил он. — Не у Керна? И вас никто не посылал?

— Уже семь лет здесь служу. Сегодня утром думала, что худшее в этом замке — графские счета, но теперь начинаю сомневаться. Вас как зовут?

Мужчина помедлил, затем назвалсЯ Рейнаром Арденом. Имя я узнала по гербовым конвертам, которые доставляли графу. На печати был крылатый зверь, обвивавший башню, и я невольно посмотрела на браслет пленника.

— Лорд Арден? — уточнила я. — Северный род? У вас ещё дракон на гербе и девиз такой, что его без вдоха не прочитаешь?

— Вижу, вы понимаете, с кем говорите. Мне необходимо выбраться отсюда. Если можете, моя семья щедро вас вознаградит.

— Отлично, — сказала я, протягивая через отверстие завёрнутую котлету. — Начните со слова «пожалуйста». В вашей семье, надеюсь, знают, где его ставить.

Рейнар смотрел на свёрток так долго, что бумага успела зашуршать у меня в пальцах. Потом потянулся, принял еду и прижал свободную руку к колену. На мгновение мне показалось, что он сейчас рассмеётся, но лицо лишь болезненно дёрнулось.

— Пожалуйста, Марта, — произнёс он наконец. — Помогите мне выбраться. Пока он не вернулся.

От этих последних слов я невольно оглянулась на лестницу. Наверху было тихо, только где-то за камнем стучала вода, для которой я так и не успела поставить ведро. Я подвинула к проёму кувшин и осторожно прикрыла дверцу, оставив возможность разговаривать.

— Я посмотрю, что можно сделать. Но сначала вы расскажете, что это за браслет, почему вас держат на цепи и зачем сюда ходит лекарь. И только попробуйте соврать, я семь лет принимаю отчёты Гаспара, у меня глаз намётан.

Рейнар медленно развернул бумагу, и запах жареного мяса заполнил холодную камеру. Я поднялась, чувствуя, как затекли ноги, и оперлась ладонью о дверь. В замке над нами никто ещё не знал, что у хозяйственных неприятностей только что появилось имя, а я уже понимала: вычеркнуть его из расходной книги у меня не получится.

Глава 2

Рейнар съел котлету с таким сосредоточенным выражением, будто решал судьбу северных земель. Я смотрела через решётку, стараясь не замечать, как он подбирает пальцем крошки с бумаги, и сердилась всё сильнее. Котлеты у нас получались жёстковатыми, но до этого вечера мне и в голову не приходило стыдиться, что я съела сразу две.

— Теперь рассказывайте, — сказала я, когда он свернул пустую бумагу. — Начните с лекаря. Только без благородного «это слишком опасно для ваших нежных ушей», они у меня пережили прорванную канализацию и исповедь пьяного конюха.

Он поставил кружку на пол и провёл ладонью по лицу. Вблизи стало видно, что под глазами у него лежали тёмные тени, а на шее, чуть выше ключицы, желтел старый синяк. Браслет на запястье тихо звякнул о цепь, и Рейнар опустил руку, словно вспомнил о нежелательном свидетеле.

— Керн берёт мою кровь. Раз в несколько дней, иногда чаще. Граф говорит, что проверяет действие какого-то лекарства, но я не давал согласия ни на лечение, ни на пребывание здесь.

— Зато укрепляющую настойку выписывает на себя, — заметила я. — Вот ведь заботливый. Такого хозяина и в могилу проводить жалко, обязательно кто-нибудь выкопает по ошибке.

Рейнар посмотрел на меня внимательнее. Потом спросил, давно ли я знаю о подземелье. Я почувствовала, как неприятно кольнуло под рёбрами, и покрепче сжала решётку.

— Десять минут, — ответила я. — И поверьте, они мне не понравились. До этого считала, что здесь прячут любовницу, хотя теперь вижу: на любовницу вы слишком плохо устроены.

— Если это шутка, она неудачная. У Валькрофта, насколько я заметил, мало чувства юмора. Обычно он развлекается за чужой счёт.

— У меня тоже жалованье за четыре месяца не выплачено, так что развлекаюсь, чем могу. Но вы правы, место не для веселья. Что за браслет?

Он поднёс руку к свету, и я разглядела узкую щель замка под выступающим ободком. По металлу тянулись знаки, похожие на скрюченных насекомых, а кожа по краям была красной и припухшей. Цепь крепилась к отдельному ушку, закрытому маленькой скобой.

— Цепь можно снять ключом, — объяснил Рейнар. — Сам браслет устроен иначе, его замок связан с чарами. Когда пытаюсь пользоваться силой, он начинает жечь.

— Какой именно силой? Кулаком вам тут, судя по ложке, и так запретили пользоваться. Вы маг?

Он на мгновение замаялся, и я нахмурилась. Потом Рейнар повернул ладонь вверх, словно собирался что-то показать, но тут же стиснул зубы. Из-под браслета потянуло горячим железом, а по пальцам пробежал слабый золотой отсвет.

— Перестаньте! — Я невольно ударила ладонью по двери. — Если хотели впечатлить, считайте, получилось. Мужчины, которые ради знакомства обжигают собственную руку, мне раньше не попадались.

Рейнар опустил запястье на колено, тяжело дыша, и несколько мгновений молчал. Я смотрела на его побелевшие губы и с трудом удерживалась от желания выломать проклятую дверь. Мой нож для фитилей вдруг показался особенно жалким инструментом.

— Я дракон, Марта. Браслет сдерживает огонь и превращение. А здесь, под замком, ещё и камни в кладке не дают принять другой облик.

Я перевела взгляд с его лица на плечи и ниже, до пояса штанов. Потом ещё раз посмотрела на браслет, стараясь уложить в голове новые сведения. Выходило, граф держал в подвале целого дракона и при этом неделю торговался со мной из-за покупки второй коровы.

— Большой? — спросила я. — В другом облике, я имею в виду. Мне нужно понимать, какая часть замка останется, если вы вдруг чихнёте.

— Достаточно большой, чтобы вытащить вас отсюда вместе с той дверью. Но сначала нужно добраться за внешнюю стену. Чары подземелья кончаются раньше, однако во дворе мне не хватит места расправить крылья.

Сказал он это уверенно, и на несколько секунд передо мной словно оказался другой человек. Усталая спина выпрямилась, в голос вернулась привычка отдавать короткие распоряжения. Потом он потянулся за водой, не дотянулся с первого раза и снова стал просто больным мужчиной на цепи.

Я подвинула кувшин ближе к отверстию и велела не расходовать силы на представления. После этого пришлось пообещать, что я вернусь, иначе он смотрел так, словно уже прощался со мной. Обещание далось неприятно легко: рот успел сказать, а голова только потом сообразила, на что подписалась.

На лестнице я остановилась и прислушалась, не идут ли сверху. Всё было тихо, и я выбралась в галерею, аккуратно закрыв тайный ход. Портрет графского предка встал на место с тихим щелчком, после чего я едва удержалась, чтобы не показать ему кукиш.

Спала я недолго и скверно, всё время прислушиваясь к шагам за дверью. Перед рассветом мне приснилось, что граф требует внести дракона в опись и объяснить, почему тот не вымыт к приезду гостей. Проснувшись я злая, с затёкшей шеей и твёрдым намерением больше не считать собственную жизнь скучной.

Утром я велела Пиму отвезти бельё прачке и задержаться у неё до вечера. Мальчишка обрадовался поручению, потому что прачка неизменно кормила помощников пирожками, и укатил на тележке без лишних вопросов. Я проводила его взглядом, потом набрала горячей воды и отправилась к старому крылу с видом женщины, которой предстоит крайне неприятная уборка.

Граф ещё спал, Гаспар заперся у себя, а прислуга разбирала протекавшую галерею. У портрета мне пришлось повозиться: в первый раз тайный рычаг нашёлся почти случайно, теперь же предок упорно не желал выпускать меня к своим семейным тайнам. Я всё-таки нащупала выступ под рамой и проскользнула в проход, придерживая кувшин бедром.

Рейнар не спал и при моём появлении резко сел. Я велела ему не изображать бодрость, подняла нижнюю дверцу и по одному просунула хлеб, миску каши и маленький свёрток с чистой тканью. Последним отправила узкий пузырь мазей, которую хранила для кухонных ожогов.

— Для руки, — пояснила я. — Только вокруг браслета, под металл не суйте. И сначала помойтесь, я за эту мазь такие деньги отдала, что она имеет право ложиться на чистую кожу.

— Вы собирались меня освободить. Вместо этого принесли завтрак и распоряжение мыться. Мне стоит ждать чистых простыней и предложения остаться до осени?

Я села на табурет из комнаты лекаря и поставила рядом пустую корзину. При дневном свете из верхней щели его лицо казалось ещё бледнее, а на виске виднелась тонкая царапина. Хотелось ответить резко, но я вспомнила, сколько часов он провёл здесь, не зная, приду ли я вообще.

— Дверь отпирают ключом, а не сочувствием. Украсть его с пояса управляющего я пока не сумела. Могу попробовать обольстить, но после такого сама месяц есть не смогу, а нам понадобится хотя бы один человек с крепкими ногами.

Рейнар тихо засмеялся, и смех перешёл в кашель. Я дождалась, пока он попьёт, и спросила, как граф сумел заполучить такого гостя. Хотелось понять, не ожидает ли нас ещё какой-нибудь сюрприз.

Рейнар рассказал о письме, пришедшем от имени Северина три недели назад. В нём граф обещал передать сведения об исчезнувшем на границе драконьем посланнике и просил о лич-

ной встрече без лишней огласки. Рейнар знал, что хозяину нельзя доверять, но имя пропавшего человека заставило его приехать.

— Я оставил сопровождающих в городе, — сказал он. — Валькрофт уверял, что при свидетелях не станет называть осведомителя. Во время разговора мне подали вино, а очнулся я уже здесь.

— Прекрасно. Вы пришли к вампиру тайно, без охраны и выпили то, что он налил. Когда выберемся, будете сначала спрашивать меня, прежде чем засовывать в рот что-нибудь незнакомое.

Он взглянул на меня, затем на кашу и приподнял бровь. Я выдержала паузу, оценив его удивительно своевременную попытку пошутить. Потом пододвинула к отверстию ложку, которую он забыл взять вместе с миской.

— Каша знакомая. Я с ней только что полчаса разговаривала, пока не пригорела. Ешьте, лорд, и не стройте глазки хозяйственному инвентарю.

— Рейнар, — поправил он. — Вы уже достаточно сделали, чтобы обойтись без титула. И я действительно отблагодарю вас, когда вернусь домой.

Он заговорил о золоте, надёжной службе и доме в одном из своих владений. Все предложения были разумными, но звучали так, словно мне выдали новое место прежде, чем уволили со старого. Я поспешила его остановить.

— Сначала выберемся, — сказала я. — А потом вы узнаете, сколько нынче стоит женщина с опытом управления замком. Сразу предупреждаю, на вес не рассчитывайтесь, разоритесь.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которые вам обязаны? Или я заслужил особое отношение? Мне просто хотелось знать, как правильно благодарить.

— Правильно — не умирать, пока я за вас хлопочу. И слушаться, если я скажу молчать или пригнуться. Всё остальное обсуждается после сытного ужина, лучше чужого.

Рейнар кивнул, и впервые за наш разговор я почувствовала, что он услышал меня до конца. Мы условились, что при чужих шагах он не отзовется, пока я не скажу про испорченную капусту. Пароль вышел неблагородным, зато совершенно естественным для женщины, которая вечно ругалась в коридорах из-за хозяйства.

Возвращаясь наверх, я уже знала, через какие двери повела бы его наружу. Через парадные было нельзя: там дежурили люди графа, а на лестнице с утра до ночи кто-нибудь попадался. Зато за прачечной имелся проход в хозяйственный двор, и оттуда до калитки в сад было всего несколько десятков шагов.

План получался неприлично простым для такого серьёзного преступления. Оставалось раздобыть ключ, снять цепь и убедить драконьего лорда не командовать побегом. Последний пункт казался самым трудным, потому что замок на двери хотя бы не имел о себе высокого мнения.

После полудня я заметила первую странность. У северной галереи, куда обычно ставили караульного, никого не было, а двое стражников таскали дорожные сундуки к закрытой карете. На козлах лежал запасной плащ кучера, значит, ехать собирались далеко и с ночёвкой.

Гаспар вышел из кладовой со сложенным списком и велел Берну приготовить вторую лошадь. Потом отправил двух конных людей в город за ящиком, который следовало забрать до закрытия аптекарской лавки. Я стояла рядом с корзиной лука и старательно изображала женщину, чьи мысли не поднимаются выше супа.

— Ваша светлость уезжает? — спросила я. — Надолго? Мне надо знать, сколько хлеба оставлять.

— До послезавтра, — ответил управляющий. — По делам, которые не касаются кухни. Всё необходимое уже приказано собрать.

— Кухни касается всё, что ест. Если его светлость возьмёт вас, мне хотя бы не придётся варить кислый соус отдельно. Вы без него за стол не садитесь, видимо, поддерживаете внутренний состав.

Гаспар поспешил прочь, а я заглянула в список, оставленный им на крышке корзины. В старом крыле на ночь приказали погасить печь. Я запомнила распоряжение и отправилась проверять, что ещё изменилось в доме.

Через час позвали к графу. Северин стоял у зеркала в дорожном камзоле и примерял перчатки, пока лакей застёгивал футляр с гребнями. На столике возле двери лежало письмо с синей печатью и крупной надписью «Королевская ревизионная палата».

— Подойдите, Марта. После моего отъезда распорядитесь убрать восточную гостиную. И проследите, чтобы никто не заходил в кабинет, там важные бумаги.

Я подошла, разглаживая передник, и скосила глаза на письмо. Граф заметил движение, взял конверт и неторопливо убрал его в нагрудный карман. При этом он почему-то внимательно следил за моим лицом, словно ждал, что я немедленно начну оправдываться.

— До нас наконец дошла проверка? — спросила я. — Надеюсь, ревизор умеет считать. В таком случае предлагаю встретить его возле ведомости жалованья, остальное сам найдёт.

— Вам совсем не обязательно встречать здесь кого бы то ни было. Я давно размышляю, не следует ли нам прекратить ваше служение. Иногда человеку полезно сменить обстановку.

— Когда выплатите долг, с удовольствием обдумаю предложение. До тех пор обстановка останется прежней. Я, вы и неприятный разговор по пятницам.

Северин улыбнулся, но глаза у него остались холодными. Лакей подал плащ, граф расправил воротник, а потом неожиданно шагнул ко мне, заставив отступить от столика. Мне пришлось задрать подбородок, чтобы не разглядывать одну только застёжку у него на груди.

— Любопытство плохо сказывается на здоровье. Особенно у женщин, которые привыкли заглядывать в чужие закрома. Вы ведь понимаете меня, Марта?

— Прекрасно. В ваших закромах недостача, и вы не хотите, чтобы я её обнаружила. Но я уже обнаружила, так что можете выдохнуть и не дышать мне в декольте, там и без вас тесно.

Он отступил так резко, что лакей едва не выронил дорожную шляпу. Я поймала её за край и вернула, не сводя взгляда с графа. Северин взял трость и направился к двери, по пути задев рукой серебряный поднос на столике.

Раздался звон, и на поднос упала связка ключей. Один я сразу узнала: длинный, с раздвоенной бородкой, он торчал у Гаспара из кармана накануне вечером. Рядом висели маленький плоский ключ и ещё два, назначения которых я не знала.

— Ваша светлость, — начала я и замолчала, когда Северин обернулся. Он посмотрел на связку, потом на меня, и на его лице не дрогнул ни один мускул. После этого он как ни в чём не бывало спросил, приготовлен ли дорожный погребец.

Я ответила, что приготовлен, и не стала напоминать о ключах. Лакей понёс вещи, граф вышел следом, а серебряный поднос остался звенеть у меня в голове. Северин забывал заплатить за дрова, поздравить кузину и вернуть взятую в долг книгу, но за запорами следил с болезненной любовью.

Из окна я увидела, как он сел в карету, прячась под широким козырьком. Было ещё светло, однако двор затянуло тучами, а экипаж изнутри обили плотной тканью. Гаспар устроился напротив хозяина, дверца закрылась, и через несколько минут карета выехала за ворота.

Я осталась стоять у столика, не прикасаясь к связке. Получалось, граф предупредил меня о любопытстве, убрал часть охраны и забыл ключи именно там, где я обязана была их заметить. Если бы на поднос положили сыр и прибили сверху дощечку, сходство с мышеловкой стало бы окончательным.

До конца разгадать замысел я не сумела. Но Рейнар оставался в холодной камере, а печь в старом крыле на ночь велели погасить. Я сняла связку с подноса, убрала в карман и в первый раз за семь лет службы сознательно не записала хозяйскую вещь в книгу выдачи.

На кухне пахло луком и ужином, до которого мне было уже не добраться. Я достала дорожную сумку, сложила хлеб, сыр, чистую ткань и мазь, а сверху уложила запасные чулки. Потом высыпала в поясной кошель то небольшое, что успела скопить, и долго смотрела на монеты, словно от строгости взгляда они могли размножиться.

Тильда появилась в дверях, когда я затягивала ремень сумки. Она посмотрела на припасы, затем на тёмную накидку у меня на плече. Вопросов не последовало, и от этого я едва не расплакалась, что было совершенно некстати.

— В кладовой осталась бочка капусты, — сказала я. — Та, что с дурным запахом. Сегодня её вывезут через садовую калитку, чтобы не воняла до утра.

— На тележке? — уточнила Тильда. — Берн её после обеда чинил. Я попрошу, чтобы поставил возле прачечной, там удобнее грузить.

Я кивнула и назвала место, где хранила свою тетрадь с копиями счетов. Если я не вернусь к послезавтрашнему дню, её следовало передать человеку из ревизионной палаты, но не Гаспару. Тильда повторила условия без единого возражения, а потом сняла со своего пояса маленький ключ от прачечной.

— Возьми. Изнутри заедает, придётся приподнять дверь. И перестань так смотреть, я семь лет рядом с тобой работаю, кое-чему научилась.

Я обняла её, прижав к себе крепче, чем собиралась. Тильда шмыгнула носом и тут же велела не мять ей воротник, потому что гладила его утром. С привычной руганью расставаться оказалось легче, и я вышла на лестницу, пока не пришлось говорить что-нибудь бесполезное.

В подземелье спускалась осторожно, придерживая сумку, чтобы та не стукнула о стену. За дверью было тихо, и при этой тишине сердце у меня ухнуло куда-то в живот. Я остановилась перед решёткой и негромко посетовала на испорченную капусту.

— Марта? — отозвался Рейнар. — Я думал, вы не придёте. Здесь с полудня никто не появлялся.

Я подняла ключи к свету, и он медленно встал. В этот раз я не стала рассказывать, каким способом их раздобыла: сначала следовало открыть дверь и убедиться, что граф не приготовил ещё какую-нибудь гадость. Длинный ключ вошёл в скважину без труда, но поворачиваться не захотел.

— Правее прижмите, — подсказал Рейнар. — Гаспар всегда поднимает ручку. Потом два оборота, второй до конца.

— Надо же, хоть в чём-то вы человек с опытом. Держитесь подальше, если оттуда выскочит гадость, мне нужно место для отступления. Впрочем, свободного места здесь и так мало, придётся гадости подождать.

Замок щёлкнул, и тяжёлая дверь подалась ко мне. Я удержала её плечом, поставила сумку и впервые вошла в камеру. Внутри оказалось ещё холоднее, чем в коридоре, а на стене за лежанкой виднелись глубокие царапины, которых снаружи я не замечала.

Вблизи Рейнар оказался выше, чем представлялся через решётку. Мне пришлось остановить его руку, когда он захотел забрать у меня связку, и велеть сесть. На металл браслета я поглядела с невольным опасением: он не светился, но от него ощутимо тянуло теплом.

Маленький плоский ключ отомкнул скобу на цепи. Та соскользнула с ушка и тяжело ударилась о камень, а Рейнар вздрогнул всем телом, словно ждал боли. Я придерживала его за предплечье и увидела, как он смотрит на свободную руку.

— Теперь сам браслет, — сказал он. — Попробуйте остальные. Пожалуйста, Марта, хотя бы попробуйте.

Я перебрала оба ключа, но ни один не подходил к узкой щели. Рейнар попытался повернуть запястье удобнее и вдруг резко отдернул его, едва я коснулась ободка металлической бородкой. На коже выступила тонкая полоска крови, а я сразу убрала связку подальше.

— Здесь оставим. Вы сами говорили о чарах, а я в них разбираюсь хуже, чем граф в стирке. Лучше рука в железе, чем вы без руки и я с чувством долга.

Он стиснул зубы, но спорить не стал. Я дала ему чистую рубашку, которую взяла из белья садовника, и отвернулась, пока он надевал. Рубашка оказалась коротковата в рукавах, зато прикрыла плечи, из-за которых у меня постоянно сбивался ход разумных мыслей.

— Штаны целые? — спросила я, проверяя, не забыли ли мы что-нибудь. — Присесть сможете? У нас на пути низкая дверь, и я не хочу познакомиться с вами ещё ближе посредством разорванного шва.

— Я постараюсь сохранить ваше спокойствие. Хотя рубашка не слишком ему способствует. Она, кажется, душит меня под мышками.

— Потерпите, это у неё непривычная работа. Прежде Берн её надевал только на похороны и свадьбы. Если всё получится, у неё сегодня будет что-то среднее.

До лестницы он дошёл сам, но на первых ступенях ухватился за перила. Я встала сбоку и подставила плечо раньше, чем успела подумать, удобно ли так поддерживать знатного лорда. Вес у него оказался приличный, зато после бочек и мешков муки меня трудно было удивить мужчиной, даже очень хорошо сложенным.

— Не наваливайтесь целиком, — предупредила я. — У меня спина крепкая, но на двоих не выписана. И если станет дурно, скажите сразу, ловить вас на лестнице я не возьмусь.

— Через минуту пройдёт. Дайте только остановиться. Здесь всё качается, хотя я отлично вижу, что стены стоят на месте.

Мы переждали, пока он выровнял дыхание, и только потом пошли дальше. В галерее Рейнар сам отстранился от моей руки, выпрямился и прислушался к звукам дома. Я закрыла тайную панель, оставив ключи в кармане, хотя рука так и чесалась бросить их графскому предку под расписную морду.

— Ворота с той стороны? — спросил Рейнар, указывая на лестницу к парадному входу. — Я помню путь от зала. Если там двое, я смогу...

— Не сможете. Вы только что три ступеньки с помощью одолели, а у них копыта и неприятные привычки. Пойдёмте за мной, здесь есть дорога для людей, которые не объявляют о своём прибытии трубой.

В прачечную мы попали без помех. Я приподняла заедающую дверь, провернула ключ и провела Рейнара между корзинами белья к заднему выходу. Во дворе действительно стояла тележка, а возле неё дожидалась бочка, от которой даже на расстоянии хотелось предложить покойной капусте достойное погребение.

Я накинула Рейнару на плечи старую мешковину, сунула в руки верёвку и показала на ручки тележки. Он посмотрел на меня с таким выражением, будто я попросила исполнить танец в одном белье. Я показала ещё раз, уже без всякого терпения, и он взялся за ручки.

— Если спросят, вы помощник бондаря. Капустой провоняли, поэтому в лица никому не дышите. И не вздумайте сообщать родословную, она у вас в мешковину не помещается.

До калитки мы добрались почти спокойно. Рейнар тянул тележку, я шла сбоку с сумкой, поправляя покосившуюся бочку и шипя, когда колесо попадало в выбоину. Возле конюшни нас заметил караульный, которого я знала ещё с тех времён, когда он пытался подворовывать у повара колбасу.

— Это что ещё за человек? — спросил он, подходя. — Я вас раньше вместе не видел. Гаспар приказал чужих во двор не пускать.

— Чужие во двор и не идут, они из него уходят. Одо, держи бочку, сейчас свалится. Только снизу подхвати, обруч треснул, если выплеснется, неделю к женщинам не подойдёшь.

Караульный инстинктивно выставил ладони, но тут до него долетел запах. Он отшатнулся, прижав рукав к носу, и от всей души пожелал нам провалиться вместе с бочкой. Я сказала, что без его помощи это вполне вероятно, и велела хотя бы открыть калитку, раз здоровым он рисковать не собирался.

Рейнар не поднимал головы и молчал, за что я была готова простить ему почти все прежние распоряжения. Одо поддел щеколду, распахнул створку и отступил в сторону, продолжая ругаться в рукав. Я поблагодарила его от имени всего хозяйства, после чего мы выкатили тележку в заросший сад.

За стеной я наконец позволила себе обернуться. Калитка оставалась приоткрытой, но следом никто не шёл, а над крышей конюшни поднимался мирный дым из кухонной трубы. Мне вдруг отчаянно захотелось обратно, к Тильде, чайнику и столу, за которым я знала место каждой ложки.

Рейнар остановился возле старой яблони и повернулся ко мне. Мешковина съехала с его плеча, лицо было мокрым от пота, зато взгляд стал яснее. Я забрала у него верёвку и завела тележку за кусты, чтобы она не торчала посреди дорожки памятником нашей находчивости.

— Идти можете? — спросила я. — До леса недалеко. Если опять закружится голова, я лучше посижу с вами здесь, чем стану вытаскивать из канавы.

Он посмотрел на сумку у меня в руках и тихо спросил, всё ли я забрала. Я хотела ответить привычной колкостью, но горло почему-то сжалось, и пришлось сначала поправить ремень на плече. В сумке лежали хлеб, две пары чулок и всё, что осталось от семи лет моей разумной жизни.

— Самое необходимое, — сказала я наконец. — Остальное давно пора было выбросить. Пойдёмте, пока я не вспомнила про невыплаченное жалованье и не повернула назад.

Рейнар протянул руку, и я после короткого колебания за неё взялась. До леса нам ещё предстояло дойти, за спиной оставался вампирский замок, а в кармане тяжело лежали слишком легко доставшиеся ключи. Я повела своего дракона между яблонями и очень надеялась, что хотя бы ближайшие полчаса он будет делать, что ему говорят.

Глава 3

До конца яблоневого сада Рейнар продержался без замечаний. Я даже начала надеяться, что из него получится разумный спутник, но возле заброшенной голубятни он остановился и посмотрел на небо. Мужчины вообще любили задирать голову именно тогда, когда следовало смотреть под ноги.

— Здесь достаточно места, — сказал он. — Снимите сумку и отойдите к стене. Только не пугайтесь.

Я посмотрела на него, потом на железный браслет, который он всё ещё носил на запястье. Вспомнила, как этого здоровенного красавца шатало на лестнице, и не сдвинулась с места. У стены, к которой он меня отправлял, росла крапива выше колен, так что выбирать, чего пугаться, предстояло заранее.

— Мы вроде собирались дойти до леса. Там нет караульных и места побольше. Или у вас именно здесь назначено свидание с хорошим самочувствием?

Рейнар провёл ладонью по затылку и объяснил, что в человеческом облике потеряет сознание раньше, чем мы пересечём поле. После превращения тело станет выносливее, а браслет некоторое время будет отнимать накопленную силу, которой должно хватить на короткий перелёт. Слово «должно» мне не понравилось, но лежащего без чувств лорда я одна далеко не утащила бы.

— Огонь я использовать не смогу, — добавил он. — Зато за этими стенами мне уже нечего ломать силой, можно просто сменить облик. Если останемся на земле, нас догонят на лошадях.

Я спросила, куда он собирается лететь, и Рейнар назвал старый каменный мост через Сивку и дорогу на запад, к торговому тракту. Я знала и мост, и дорогу: оттуда возили соль, свечи и сплетни, причём последние неизменно доставались бесплатно. До тракта было несколько часов пешком, а дальше можно было искать постоянный двор и людей, не служивших Северину.

Рейнар снял мешковину и сложил её возле дерева. Рубашку Берна оставил на себе, только расстегнул верхние пуговицы, давая мне повод немедленно отвернуться. Я не отвернулась, потому что отвечала за его здоровье и собиралась следить за любыми подозрительными изменениями.

— Одежда? — спросила я, когда он потянул воротник. — Её надо снять? Вы только предупредите заранее, чтобы я успела решить, прикрывать глаза или запоминать.

— То, что надето, перейдёт вместе со мной. И вернётся обратно. Такое свойство превращения, иначе у нас в горах было бы слишком много голых лордов.

— А я уже начала уважать ваши семейные обычаи. Ладно, превращайтесь. Только рубашку не порвите, она за Берном числится.

Рейнар улыбнулся, но улыбка сразу исчезла, как только он отвёл руку с браслетом в сторону. Воздух возле его плеч задрожал, словно над раскалённой плитой, и я наконец отступила. Сначала мне показалось, что он падает, однако в следующее мгновение тёмная тень закрыла яблони и небо.

Меня толкнуло тёплой волной, а по земле покатались сухие веточки. На месте человека стоял зверь с широкими крыльями, медной чешуёй на шее и тёмно-золотыми пластинами вдоль груди. Он оказался не таким огромным, как драконы на старых гобеленах, но для моего спокойствия и этого хватило с избытком.

Я прижалась спиной к голубятне и зачем-то спрятала за себя сумку. Когти впились в рыхлую землю, длинный хвост прошёлся по кустам, а две пустые глиняные поилки разлетелись

под ним вдребезги. Золотистые глаза повернулись ко мне, и я увидела в них вполне знакомое ожидание одобрения.

— Красивый, — выдохнула я. — Но поилки всё равно разбил. Не шевелись пока, я должна привыкнуть к мысли, что всё это хозяйство ещё недавно помещалось в штанах.

Дракон приоткрыл пасть, и у меня неприятно стянуло живот. Потом он медленно опустил голову, уперев подбородок в землю возле моих туфель. На передней лапе темнела железная полоса, а ниже на чешуе выступила капля крови.

Я обошла его сбоку и осторожно коснулась шеи. Чешуя была тёплой, гладкой по краю и удивительно живой: под ладонью чувствовалось движение мышц. Рейнар прикрыл глаза, и мне стало неловко от того, что обыкновенное прикосновение могло доставить так много облегчения.

— Ты меня понимаешь? Если да, моргни. И не делай вид, будто теперь можно не слушаться, потому что уши стали меньше.

Он моргнул, затем указал мордой на основание шеи и присел. Я посмотрела на широкую спину, потом на собственную юбку, и начала оценивать задачу с хозяйственной точки зрения. Чтобы забраться на дракона, требовалось либо хорошее крыльцо, либо отсутствие всякого стыда, а крыльца поблизости не было.

Рейнар подставил согнутую лапу, получив за это первую за день искреннюю благодарность. Я ступила на неё, подтянула юбку и полезла вверх, стараясь не думать, как выгляжу сзади. Судя по вздрогнувшим бокам, мой летательный прибор всё-таки думал.

— Только попробуй заржать. Я тебе хвост узлом завяжу, и будешь у знатных дам в спальнях занавески держать. Лучше шею опусти, мне не за что взяться.

Я устроилась за первым высоким гребнем, прижала сумку к животу и пропустила её длинный ремень вокруг основания костяного выступа. Получилось подобие страховочной петли, в которую я просунула руку. Надёжность сооружения оставалась сомнительной, зато съезжать под хвост на каждом движении я уже не должна была.

Рейнар поднялся, и я сразу поняла, что земля с этой высоты выглядела менее гостеприимно. Я обхватила его шею ногами, стараясь не мешать крыльям, и почувствовала, как напряглись мышцы подо мной. В голове мелькнуло, что приличная женщина сначала узнала бы мужчину получше и только потом села ему на шею, но откладывать знакомство было поздно.

Крылья распахнулись с негромким хлопком, взметнув пыль и сухие листья. Дракон оттолкнулся задними лапами, сделал несколько тяжёлых взмахов, и земля поплыла вниз. Я вдохнула, чтобы закричать, но вместо этого только сильнее вцепилась в гребень, потому что на крик потребовалось бы отпустить хотя бы часть собственного ужаса.

Над стеной сада мелькнули башни замка, и на короткое мгновение я увидела весь двор. Возле конюшни двигались крошечные люди, над кухней поднимался дым, а моя прежняя жизнь вдруг оказалась маленькой и далеко внизу. Я даже успела подумать, что позже непременно расскажу Тильде, каково это — летать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.